

Парадигмы интерпретации учения о чистом опыте Нисиды Китаро в англоязычных исследованиях

А. С. Романенко

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. В статье выявлены исследовательские парадигмы интерпретации ранней философии Нисиды, представленные в англоязычных научных публикациях. Учение о чистом опыте характеризуется: а) содержательной близостью традициям дальневосточной, дзэн-буддийской мысли; б) отсутствием устойчивого внимания к текстам восточной философии; в) активной ассимиляцией понятий и принципов западных философских учений.

Содержание. Ранняя философия Нисиды в зарубежных публикациях интерпретируется в виде трех парадигм, две из них отмечены партикулярным характером, одна – межкультурного свойства. Первая парадигма видит раннюю философию Нисиды рецепцией западных философских концепций в Японии, вторая – представляет эту философию как форму развития идей буддийской дальневосточной философии, в третьей парадигме учение о чистом опыте интерпретируется в контексте диалога философских традиций Запада и Востока.

Выводы. Первая исследовательская парадигма сближает раннюю философию Нисиды с западной интеллектуальной традицией (эмпиризм, идеализм, мистицизм и др.), эта оценка вынесена на основе устойчивой практики использования японским мыслителем понятий и принципов западной философской культуры. Центральным выводом второй группы исследований представлено положение о содержательной близости учения о чистом опыте и дзэн-буддийской философии. Третий подход центрирует роль философии чистого опыта как функционального элемента, опосредующего диалог западных и восточных традиций путем создания нового философского языка. В статье подчеркнута актуальность третьей парадигмы, обусловленная возможностью разрешения противоречия между первыми двумя, а также ее корреляцией с учением Нисиды.

Ключевые слова: Нисида Китаро, буддийская философия, восточная философия, западная философия, межкультурная парадигма, философский диалог, чистый опыт.

Для цитирования: Романенко А. С. Парадигмы интерпретации учения о чистом опыте Нисиды Китаро в англоязычных исследованиях // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2024. – № 3 – С. 54–69. DOI: 10.35231/18186653_2024_3_54. EDN: SMJTC

Paradigms of Interpretation of Nishida Kitarō's Teaching on Pure Experience in Foreign English-language Studies

Anton S. Romanenko

*Pushkin Leningrad State University,
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. The article identifies research paradigms for interpretation of Nishida's early philosophy, presented in English-language scholar studies. The doctrine of pure experience is characterized by: a) substantial proximity to the traditions of Far Eastern, Zen Buddhist thought; b) lack of sustained attention to the texts of Eastern philosophy; c) active assimilation of Western philosophical teachings concepts and principles.

Content. Nishida's early philosophy is interpreted in foreign publications within the boundaries of three paradigms, two of them are marked by a particular character, one is of an intercultural nature. The first paradigm sees Nishida's early philosophy as a reception of Western philosophical concepts in Japan, the second one presents this philosophy as a form of development of the ideas of Buddhist Far Eastern philosophy, in the third paradigm the doctrine of pure experience is interpreted in the context of a dialogue between the West and the East philosophical traditions.

Conclusions. The first research paradigm brings Nishida's early philosophy closer to the Western intellectual tradition (empiricism, idealism, mysticism, etc.). The assessment is made on the basis of the Japanese thinker's steady practice of using the concepts and principles of Western philosophical culture. The central conclusion of the second group of studies is the position on the substantial closeness of the doctrine of pure experience and Zen Buddhist philosophy. The third approach focuses on the role of the philosophy of pure experience as a functional element mediating the dialogue between Western and Eastern traditions by creating a new philosophical language. The article emphasizes the relevance of the third paradigm due to the possibility of resolving the contradiction between the first two, as well as its correlation with Nishida's teachings.

Key words: Nishida Kitarō, Buddhist philosophy, Eastern philosophy, Western philosophy, intercultural paradigm, philosophical dialogue, pure experience.

For citation: Romanenko, A. S. (2024) Paradigmy interpretatsii ucheniya o chistom opyte Nisidy Kitaro v zarubezhnykh angloyazychnykh issledovaniyakh [Paradigms of Interpretation of Nishida Kitarō's Teaching on Pure Experience in Foreign English-language Studies]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 3. Pp. 54–69. (In Russian). DOI: 10.35231/18186653_2024_3_54. EDN: SMJTIC

Введение

Нисида Китаро (1870–1945) – японский философ, основоположник Киотоской школы, к которой в англоязычной литературе относят Танабэ Хадзимэ, Хисамацу Синъити, Ниситани Кэйдзи, Такэути Ёсинори, Уэда Сидзутэру и др. Характерная черта Киотоской школы – создание оригинальных философских учений, содержание которых фундируется традициями дальневосточной мысли, а форма – теоретическим дискурсом западной академической философии.

Учение о чистом опыте (純粹經驗, «дзюнсуй кэйкэн») представляет собой концептуальное методологическое ядро раннего периода творчества Нисиды: с 1911 г. – выхода книги «Исследование блага» (善の研究, «дзэн-но кэнкю») первой крупной работы философа, до 1927 г., когда публикуется работа «От действующего к видящему» (働くものから見るものへ, «хатаракумоно-кара мирумоно-э»), знаменующая принципиально новый, зрелый этап эволюции его мысли. Как отмечает Дэвид Дилворт, «концепт чистого опыта стал фундаментом, на котором Нисида строил свою философию все последующие 35 лет», своего рода «связующей нитью, которая постепенно разворачивалась во все его более поздние концепты», включая «абсолютную волю» (絶対意志, «дзэттай иси»), «место абсолютного ничто» (絶対無の場所, «дзэттай му-но басё»), «диалектическое универсальное» (辯證法的一般者, «бэнсё: хо: тэки иппанся»), «действующую интуицию» (行為的直観, «ко: итэки тёккан») и т. д. [7, р. 94].

Понятие «чистый опыт», формально заимствованное Нисидой у Уильяма Джеймса, фиксирует состояние сознания, в котором нейтрализуется ряд фундаментальных дуалистических оппозиций мышления («субъект / объект», «познающее / познаваемое», «мышление / опыт», «Я / вещь»). Такое единство сознания Нисида рассматривает и как ретроспективное, то есть утраченное в процессе дифференциации феноменов сознания, и как перспективное, к которому сознание стремится в своем развитии. Состояние чистого опыта само по себе трансцендентно всякой темпоральности, существует как единство сознания в вечном и недоступном рефлексии мгновении настоящего и представляет собой первичную, изначальную форму реализации всех феноменов. Понятие «чистый опыт»

приобретает онтологическое содержание, рассматривается как единственная, подлинная реальность и используется для объяснения ряда философских проблем (этических, эстетических, гносеологических, теологических).

Характерная черта ранних работ Нисиды – активное обращение к наследию западных философских традиций при почти полном отсутствии ссылок на тексты восточной философии. Подобная особенность характерна для мыслителей эпохи Мэйдзи, времени развертывания «серьезных дискуссий относительно того, можно ли считать традиционные (т. е. существовавшие до Мэйдзи) интеллектуальные традиции философией» [5, р. 9]. Неоднозначно трактовалось понятие 哲学 («тэцугаку»), предложенное в 1874 г. философом Ниси Аманэ для обозначения западных философских учений, с которыми начали знакомиться японцы после открытия страны.

Как отмечает Б. Дэвис, некоторые японские философы «придерживались мнения Накаэ Тёмина о том, что “с древнейших времен до настоящего времени в Японии не было философии”, в то время как другие, например, Иноуэ Тэцудзиро и Иноуэ Энрё, реконструировали конфуцианство и буддизм как “философию»» [5, р. 9]. Даже в современной Японии понятие «тэцугаку» в основном используется для обозначения западной философии, а также академических дискурсов японской мысли после Мэйдзи, имеющих своим предметом западные тексты и идеи. Игнорирование восточных, в частности, японских авторов и текстов Нисидой не бросалось бы в глаза, если бы не парадоксальная содержательная близость его идей дальневосточным религиозно-философским учениям, в особенности буддизму, на что обращают внимание многие исследователи. Углубляется подобное впечатление и биографическими фактами: известно, что как минимум с 1897 по 1902 гг. мыслитель был активно вовлечен в практику дзэн-буддийской медитации у разных мастеров [26, pp. 538–540].

Кратко очертим метатеоретический контекст дальнейших рассуждений. Семиозис в тексте определяется внетекстовыми связями, оказывающими влияние на характер перекодировки текста в сознании читателя. В случае художественного текста речь идет об отношении знаковых единиц к художественному языку, т. е. о принадлежности текста к разным жанрам, стилям,

эпохам [1, с. 70]. Данный тезис справедлив и в отношении текста философского. Так, встречая в японском тексте лексему 無 (му) в значении «ничто», можно соотнести это понятие с нигилистической трактовкой «небытия» как отрицания бытия, которая имела место, например, у Парменида, а можно – с употреблением, характерным для дзэн-буддийских текстов, где указанное понятие уже не является исключительно нигилистическим. Подобное соотнесение детерминирует характер интерпретации и понятия, и философского текста, и даже философского учения.

Цель исследования – выявить и охарактеризовать парадигмы интерпретации учения о чистом опыте Нисиды Китаро в зарубежных англоязычных исследованиях, монографиях и научных статьях, опубликованных в период с 1950-х гг. по настоящее время, в которых философия Нисиды выступает предметом пристального внимания (около 220 публикаций).

Самое раннее исследование – статья Сюнсукэ Цуруми – датируется 1951 г. [25]. Заметный подъем интереса к философии Нисиды у западных исследователей наблюдается в 1980-е гг.: тогда были изданы около тридцати работ, тогда как в предшествующие десятилетия публиковалось около дюжины научных сочинений. Начиная с 1980-х гг. интерес зарубежных авторов к философии японского мыслителя остается стабильно высоким. С 2010 по 2020 гг. опубликовано около пятидесяти работ, включая переводы. Интерес к идеям Нисиды на Западе возникает еще при жизни японского философа, главным образом в Германии, посещаемой в 1920–30-е гг. студентами и учеными, изучающими философию. На фоне такого интереса в 1943 г. увидели свет переводы эссе Нисиды, выполненные Робертом Шинцингером, а также статья Пауля Люта «Нисида и японская философия» [28, р. 291].

Большинство англоязычных материалов, посвященных философии Нисиды, опубликовано в журналах («Philosophy East and West», «The Eastern Buddhist», «Monumenta Nipponica», «Buddhist-Christian Studies», «Japanese Journal of Religious Studies» и др.), предоставляющих страницы буддологическим, компаративистским исследованиям, где значительное место отводится проблеме диалога западной и восточной культур.

В статье представлен анализ широкого круга научных публикаций, в которых учение о чистом опыте выступило непосредственным предметом исследования.

Содержание исследования

Анализируемые публикации демонстрируют три парадигмы интерпретации учения о чистом опыте. Первые две являются партикулярными, представляют учение Нисиды как частный случай репрезентации мировоззренческих моделей, проблем и концептов, характерных для (1) западной культуры и для (2) восточной культуры. В свете третьей парадигмы, (3) межкультурной / функциональной, учение философа представлено как оригинальное, функционирующее в контексте диалога западных и восточных философских традиций.

Анализ первой парадигмы. Обозначим центральные векторы соотнесения учения о чистом опыте Нисиды с западными философскими традициями: (1.1) эмпиризмом и эмпириокритицизмом, (1.2) идеализмом, (1.3) феноменологией, (1.4) мистицизмом, (1.5) философией жизни. Разъясняя отдельные аспекты учения японского мыслителя, комментаторы обращаются как к восточным, так и западным философским традициям.

В границах вектора 1.1 имеет место сближение учения о чистом опыте Нисиды с идеями эмпириокритицизма (Э. Мах, Р. Авенариус) и радикальным эмпиризмом У. Джеймса [3; 4; 7; 8; 10; 11; 12; 14; 15; 16; 17; 19; 20; 21; 22; 24; 27; 29]. Исследователи подчеркивают стремление к критическому «очищению» опытного знания от гипотетических предпосылок и абстракций, сближающее Нисиду и представителей эмпириокритицизма. Д. Рипе отмечает, что «Нисида, как и Мах... хочет избежать приверженности тому, что они оба считают ненужным» для достоверного познания реальности [21, p. 482].

Большинство исследователей, сближающих эмпиризм и раннюю философию Нисиды, закономерно отсылают читателя к радикальному эмпиризму Джеймса, чье эссе о чистом опыте 1904 г. попало в руки японского философа во время работы над первой книгой, и у которого тот, как считается, позаимствовал само понятие «чистый опыт», а возможно и «идею состояния сознания в недифференцированном единстве» [12, p. 45]. При этом некоторые авторы, например, Рипе [21] и Симомура Торатаро [22, p. 201], напрямую идентифицируют учение о чистом опыте Нисиды как разновидность радикального эмпиризма. Как отмечает Р. Картер, японский философ позаимствовал у Джеймса «не только термин “чистый опыт”,

но и настойчивое требование Джеймса основывать философию на опыте, а не на абстрактной теории» [4, p. 18]. Интерес к проблеме соответствия отмеченных «буддийским колоритом» идей Нисиды и философии Джеймса породил спектр компаративистских исследований. Несколько слов о сходстве и различиях рассматриваемых учений.

Схожее – оба мыслителя: а) много внимания уделили недугалистическому состоянию опыта, предшествующему субъект-объектной дихотомии; б) признали необходимость «десубъективизировать» мышление и смысл в потоке переживаний, включить их в чистый опыт [10, p. 180], в) демонстрируют двойственность в трактовке опыта: он понимается, с одной стороны, в «романтическом» смысле как живой, непосредственный, противопоставленный рефлексии и концептуализации, с другой – в онтологическом смысле, как горизонт бытия и основание всякой рефлексии [9, p. 30–31].

Различия. У Джеймса чистый опыт является «неопределённым потоком бытия», Нисида, интерпретирующий опыт как единство сверхиндивидуальной саморазвертывающейся реальности, колеблется «между традиционалистскими, идеалистическими европейскими подходами и современной, пост-метафизической реконструкцией мышления в американском ключе» [11, p. 191]. Это проявляется в его стремлении рассматривать опыт как нечто системное, а его развертывание – как развитие «конкретного всеобщего» в самосознании [29, p. 109]. По мнению Дж. Крюгера, самое важное различие между понятиями чистого опыта у Джеймса и Нисиды заключается в том, что для первого чистый опыт есть основание и отправная точка развертывания эмпирической реальности, у Нисиды же он выступает и в роли перспективы, предельной точки развития сознания и состояния, которое может быть реализовано в рамках жизненной практики [15, pp. 14–16]. Подобной точки зрения придерживается и Уилкинсон [27, p. 59]. В конечном счете Нисида выходит за границы постулатов радикального эмпиризма и в работах среднего периода ищет основание этого единства за пределами самого чистого опыта, конструируя идею «абсолютного ничто» и концепцию «места» (場所, «басё») [20, pp. 1238–1239].

Вектор соотнесения по типу 1.2 устремлен к философии Канта, посткантианскому немецкому идеализму (Гегель, Фихте),

неокантианской мысли (Виндельбанд, Риккерт, Коген) [6; 7; 9; 13; 16; 18; 27]. Исследователи указывают на содержательное, методологическое (диалектичность) и формальное (активное использование соответствующего концептуального аппарата) сходство ранней философии Нисиды с западной идеалистической традицией. Содержательное сходство с немецкой идеалистической философией обнаруживается в обосновании Нисидой онтологического статуса феноменов сознания как первичной реальности, объяснении самосознания как фундаментальной формы ее развертывания; показательна работа «Интуиция и рефлексия в самосознании» (自覚における直観と反省, «дзикаку-ни окэру тэкан-то хансэй», 1917). Чистый опыт Нисиды «онтологически предельен и является модусом сознания», отмечает Р. Уилкинсон [27, р. 44], а Дж. Круммель в отождествлении первичного факта опыта с феноменом сознания видит «идеалистическую тенденцию», подчеркивая диалектический характер учения о чистом опыте, обусловленный стремлением философа к преодолению дуалистической оппозиции субъекта и объекта [16, р. 53–54].

Как указывает Т. Казулис, Нисида «солидаризируется с немецкими идеалистами, Фихте и Гегелем, считая самосознание тождественным реальности, то есть ноумэну или вещи-в-себе», и в конечном счете он – «гегельянец в гораздо большей степени, чем ему, возможно, хотелось бы признать, поскольку его концепция чистого опыта, как и гегелевский дух, кажется прогрессирующей ко все более великим единствам» [13, pp. 457–458]. По мнению Д. Дилворта, «несмотря на свою основную дзэнскую религиозность, Нисида склонялся к философствованию в “Исследовании блага” на языке, который был в значительной степени обязан западному идеализму» [7, pp. 418–419]. Дилворт, по всей видимости, имеет в виду активное использование Нисидой в ранних работах таких концептов, как «феномены духа» (精神現象, «сэйсингэнсё:»), «должное» (当為, «то: й»), эквивалент нем. «Sollen»), «дело-действие» (事行, «дзико:»), калька фихтеанского «Tathandlung»). Дальнейшее развитие философских идей Нисиды Й. Арисака и Э. Финберг рассматривают как постепенный уход от «идеалистического центрирования индивидуального сознания» через развитие его теории «места» и рефлексии о сущности исторического процесса в трудах среднего периода творчества [10, р. 195].

Изначальная установка Нисиды на раннем этапе творчества – рассмотрение феноменов сознания как единственной, первичной реальности – дала основание исследователям идентифицировать учение философа как (1.3) разновидность феноменологии, соотносить его идеи с философией Гуссерля, Хайдеггера, Мерло-Понти. [6, 7, 8, 9, 10, 12, 17, 19]. Дилворт называет представленный в четвертом разделе «Исследования блага» анализ «необходимости религиозной установки» феноменологией, которая постепенно обращается к мистическим и пантеистическим идеям [8, pp. 415–416]. В работе «Интуиция и рефлексия в самосознании», как отмечают Финберг и Арисака, автор «вместо того, чтобы проделать путь от феноменологии к онтологии как европейские экзистенциалисты... нашел решение в философии Фихте, которую игнорировала европейская философия того периода» [10, p. 186]. Финберг подчеркивает сходство учения Нисиды с феноменологией даже на более поздних этапах развития творчества мыслителя, сближая направление дальнейшей эволюции его учения в концепцию «места» с «хайдеггеровской реконструкцией феноменологии» [9, p. 33]. Огава Тадаси, отмечая сходство феноменологии Гуссерля и учения о чистом опыте Нисиды, фиксирует и существенные различия их подходов: а) отсутствие у японского мыслителя сформированной, завершенной методологии; б) рассмотрение сознания с точки зрения его онтологической первичности и единства в противовес гуссерлевскому акценту на его интенциональной структуре [19, p. 219].

Следующий вектор идентификации учения о чистом опыте Нисиды в границах первой парадигмы – «мистицизм» (1.4) [6; 8; 12; 21; 22; 24; 26; 27]. Как отмечает Такэути, представитель третьего поколения философов Киотской школы, развитие философии Нисиды от его первого труда и до поворотной работы «От действующего к видящему» демонстрирует постепенное продвижение сквозь трансцендентальный идеализм к «царству реальности, соответствующему его собственному мистическому опыту» [24, p. 188]. Дилворт подчеркивает, что изложенное в заключительном разделе «Исследования блага» учение отражает всестороннее понимание литературы и структуры мысли западного мистицизма и демонстрирует стремление философа «отождествить свою позицию с мистическими элементами за-

падной традиции» [8, pp. 419–420]. Указанная тенденция ярко выражена в работе «Интуиция и рефлексия в самосознании», в которой Нисида, ассимилируя язык и структуры христианского неоплатонизма и средневековой европейской мистики, объясняет развертывание конкретного, непосредственного опыта как активность абсолютной свободной воли, занимающей место Бога [6, pp. 42–43, 47].

Соотнесение учения о чистом опыте с философией жизни (1.5) направляет к идеям Анри Бергсона [4; 6; 9; 13; 22; 29]. Нисида посвятил философии французского мыслителя ряд эссе – сборник «Мышление и опыт» (思索と体験, «сисаку-то тайкэн», 1915 г.), он нередко использовал бергсоновские понятия («жизненный порыв», «чистая длительность») для разъяснения чистого опыта. М. Юса отмечает «интеллектуальное родство» Нисиды, Бергсона и Джеймса, акцентирует внимание на том, что японский философ усматривал в идеях французского мыслителя сходство с учением дзэн-буддизма [28, pp. 125–126]. Подобной позиции придерживается и Т. Казулис [13, p. 460]. Р. Картер подчеркивает, что именно чтение Бергсона для Нисиды стало «ключевым» фактором «развития его понятия чистого опыта» [4, p. 20].

Анализ второй парадигмы. Именно буддийская философия доминирует в границах второй парадигмы интерпретации учения о чистом опыте. При практически полном отсутствии в ранних трудах Нисиды ссылок на буддийские тексты и учения примечательно наличие данной характеристики в большинстве публикаций [3; 4; 6; 7; 8; 10; 11; 13; 14; 15; 16; 19; 21; 22; 23; 24; 27; 29]. Авторы либо напрямую идентифицируют идеи Нисиды как буддийские, либо указывают на дзэн-буддизм как источник наиболее важных философских интуиций. Этим обстоятельством объясняется особое внимание Нисиды к западным философам, идеи которых характеризуются близостью дзэн-буддийской традиции, в том числе к учению Джеймса [14, p. 78]. Как замечает П. Стэндиш, «мысль Нисиды стремится к преодолению интеллектуализма западной философии в силу буддийского влияния, предполагающего, помимо прочего, практический характер философствования» [23, p. 21]. Отметим и исключения из обозначенной тенденции: В. Вильгельмо подчеркивает, что японский философ «с глубоким уважением

относился ко всем великим мировым религиям в их высших формах, особенно к буддизму, христианству и индуизму, но, не придерживаясь ни одной из них... стремился определить природу самого религиозного духа» [26, р. 546].

Помимо практического характера философствования и стремления к преодолению интеллектуализма, в ряду оснований сближения ранней философии Нисиды с буддийской традицией исследователи указывают: недуалистический характер мышления (стремление к преодолению всякой дуалистической оппозиции, в первую очередь, субъекта и объекта) [16, р. 52]; разграничение *реальности-в-себе* (нерефлексируемого единства чистого опыта) и *реальности проявленной* (факты опыта как предмет рефлексии) [13, р. 459]; установление глубинной идентичности структур обыденного сознания и сознания развитого (реализуются в тождественной форме диалектического развертывания единства чистого опыта) [22, pp. 202–203]; центрирование религиозного опыта как наиболее полного приближения к познанию конкретной реальности [8, pp. 415–416]. Среди, собственно, буддийских мыслителей, с учениями которых сравнивают раннюю философию Нисиды, упоминаются Нагарджуна [21, pp. 480–481], Кукай, Синран [13, pp. 459–460], Догэн [14, pp. 79–80]. Публикации не содержат развернутого, предметного исследования проблемы идентификации учения о чистом опыте Нисиды в качестве буддийской философии.

Анализ третьей парадигмы. Многие авторы, интерпретируя раннюю философию Нисиды, обращаются к западным и буддийским философским учениям. Некоторые исследователи актуализируют и более широкий пласт текстов восточной культуры: например, Такэути, как и Картер, разъясняя содержание учения о чистом опыте, предлагает анализ знаменитого хайку Мацуо Басё о лягушке, прыгнувшей в воду [4, р. 23; 24, р. 190]. Подобный подход важен в границах третьей, межкультурной / функциональной парадигмы интерпретации ранней философии Нисиды [3; 4; 6; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 17; 20; 22; 23; 24; 26; 27].

Учение о чистом опыте предстает и как область диалога западной и восточной философских традиций (3.1), и как результат диалога – оригинальное учение, не сводимое к западным и восточным парадигмам (3.2).

Цель Нисиды, утверждает Уилкинсон, – выяснить, могут ли западные философские методы и концепции привести к такому изложению опыта дзэн, которое будет рассматриваться как философия и оцениваться как философия [27, р. 37]. Для этого требуется сконструировать поле, вмещающее в себя дзэн и философию как синтетическое единство. «Синтез» западных и восточных идей в трудах Нисиды, по мнению Масао Абэ, представлял собой процесс «взаимной трансформации дзэн и философии»: философская рефлексия предполагает поиск способов логического выражения «сверхинтеллектуального» опыта дзэн, тогда как от философии требовалось преодолеть присущую ей «интеллектуальную рациональность», чтобы включить в свое содержание соответствующий опыт [3, р. 12].

Нисида допустил ассимиляцию понятий и терминов фихтеанского, кантианского, неокантианских и иных философских учений. По мнению Дилворта, «это содержательное опосредование западными категориями базовой онтологии дзэн вполне может быть оценено как своего рода беспрецедентный международный философский синтез» [6, р. 41–42]. В результате ассимиляции понятия западных философских традиций вступили в несвойственные им семантические связи, в силу чего попытки идентификации учения о чистом опыте как разновидности любой философской традиции (западной, восточной), обречены на неудачу. Как отмечает Абэ, Нисида «не создал новую восточную философию и не реконструировал западную», его учение – «новая мировая философия» [3, р. 25].

Третья парадигма актуальна по двум причинам. Во-первых, она позволяет решить проблему парадоксально несовместимых, но непременно соседствующих друг с другом подходов к интерпретации ранней философии Нисиды в трудах зарубежных исследователей. Во-вторых, обнаруживает функциональное и структурное сходство с самим учением о чистом опыте. Понятие «чистый опыт» с функциональной точки зрения вводится японским мыслителем именно как средство нейтрализации концептуальных дуалистических оппозиций, возникающих в сознании [2, с. 69–70]. Оно фиксирует априорное единство сознания (и реальности вообще), включающее в себя все возможные дуалистические точки зрения как формы абстракции этого единства. Подобная же функциональная интерпретация

вводится и в границах рассматриваемой исследовательской парадигмы, однако имеет предметом не отдельный концепт, а всю раннюю (и не только) философию японского мыслителя: последняя рассматривается как форма нейтрализации дуалистической оппозиции восточной и западной интеллектуальной культуры.

Выводы

В зарубежных англоязычных публикациях выявлены три исследовательские парадигмы интерпретации учения о чистом опыте Нисиды. Две партикулярные парадигмы предполагают идентификацию ранней философии Нисиды как: 1. частного случая развития западных философских идей в Японии; 2. разновидности восточной, главным образом, дзэн-буддийской по содержанию философии, формально организованной при помощи заимствованных из западной мысли концептуальных средств.

Публикации первой парадигмы представляют учение о чистом опыте чаще всего как: 1.1 эмпиризм и эмпириокритицизм, 1.2 идеализм, 1.3 феноменологию, 1.4 мистицизм, 1.5 философию жизни. Подобная идентификация обосновывается активным обращением японского мыслителя к понятиям и формальным структурам западной философской мысли. Вторая парадигма имеет противоположный характер: исследователи подчеркивают содержательную близость учения о чистом опыте и базовых положений дзэн-буддийской традиции (практический характер философствования, антиинтеллектуализм, недуалистичность мышления, онтологическая демаркация проявленной реальности и нерелефлексивной реальности-в-себе, идентичность структур развитого и обыденного сознания, центрирование религиозного опыта). Нисида актуализирует понятия западной философии и принципы европейской интеллектуальной культуры, содержательно близкие положениям буддийской традиции.

Межкультурная парадигма интерпретации учения о чистом опыте представляет раннюю философию Нисиды либо как пространство диалога западных и восточных философских традиций, либо как его результат. Подобный взгляд фиксирует уникальность философского языка Нисиды, на основе которого было выработано оригинальное философское учение, вписанное в «мировую философию». Именно третья парадигма

обнаруживает особенную актуальность, поскольку позволяет решить проблему разнородности подходов к интерпретации ранней философии Нисиды, а также обнаруживает тесную функциональную корреляцию с самим учением о чистом опыте.

Список литературы

1. Лотман Ю. М. Структура художественного текста: моногр. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 704 с.
2. Романенко А. С. Преодоление концептуальных оппозиций как структурообразующий принцип «Исследования блага» Нисиды Китаро // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2023. – № 3. – С. 60–73.
3. Abe Masao. Introduction. In *Inquiry into the Good by Nishida Kitarō*; translated by Masao Abe and Christopher Ives. – New Haven, London: Yale University Press, 1990. – Pp. 7–26.
4. Carter R. *The Kyoto School: An Introduction*. – Albany: State University of New York Press, 2013. – 258 p.
5. Davis B. What Is Japanese Philosophy? // Davis, Bret W. (ed.), *The Oxford Handbook of Japanese Philosophy*. – Oxford University Press, 2020. – Pp. 1–79.
6. Dilworth D. Nishida's Early Pantheistic Voluntarism // *Philosophy East and West*. – 1970. – Vol. 20. – No. 1. – Pp. 35–49.
7. Dilworth D. The Initial Formations of 'Pure Experience' in Nishida Kitarō and William James // *Monumenta Nipponica*. – 1969. – Vol. 24. – No. 1/2. – Pp. 93–111.
8. Dilworth D. The Range of Nishida's Early Religious Thought: Zen No Kenkyū // *Philosophy East and West*. – 1969. – Vol. 19. – No. 4. – Pp. 409–421.
9. Feenberg A. Experience and Culture: Nishida's Path 'To the Things Themselves' // *Philosophy East and West*. – 1999. – Vol. 49. – No. 1. – Pp. 28–44.
10. Feenberg A., Arisaka Yoko. Origins of the Nishida Philosophy in the Doctrine of Pure Experience // *International Philosophical Quarterly*. – 1990. – Vol. 30. – No. 2. – Pp. 173–205.
11. Friedl H. Global Aspects of American Pragmatist Thinking: William James and Kitarō Nishida on the Purity of Pure Experience // *Amerikastudien / American Studies*. – 2001. – Vol. 46. – No. 2. Pp. 177–205.
12. Heisig J. *Philosophers of Nothingness: An Essay on the Kyoto School*. – Honolulu: University of Hawai'i Press, 2001. – 380 p.
13. Kasulis T. *Engaging Japanese Philosophy: A Short History*. – Honolulu: University of Hawaii Press, 2017. – 773 p.
14. Kazashi N. *Metamorphoses of 'Pure Experience': Buddhist, Enactive and Historical Turns in Nishida // Education and the Kyoto School of Philosophy. Contemporary Philosophies and Theories in Education*. – Vol. 1. – Dordrecht: Springer, 2012. – Pp. 77–90.
15. Krueger J. The Varieties of Pure Experience: William James and Kitarō Nishida on Consciousness and Embodiment // *William James Studies*. – 2006. – Vol. 1. Available at: <https://www.jstor.org/stable/26203679/> (accessed 05 May 2024).
16. Krummel J. *Nishida Kitarō's Chiasmatic Chorology: Place of Dialectic, Dialectic of Place*. – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – 314 p.
17. Nakajima Yuta. *Pure Experience // Tetsugaku Companion to Nishida Kitarō*. – Cham, Switzerland: Springer, 2022. – 240 p.
18. Odin S. Whitehead on the 'Rhythm of Education' and Kitarō Nishida's 'Pure Experience' as a Developing // *Education and the Kyoto School of Philosophy. Contemporary Philosophies and Theories in Education*. – Vol. 1. – Dordrecht: Springer, 2012. – Pp. 169–180.
19. Ogawa Tadashi. *The Kyoto School of Philosophy and Phenomenology // Nitta, Y., Tatematsu, H. (eds) Japanese Phenomenology. Analecta Husserliana*. – Vol. 8. – Dordrecht: Springer, 1979. – Pp. 207–222.
20. Osaki Harumi. Pure experience in question: William James in the philosophies of Nishida Kitarō and Alfred North Whitehead // *Philosophy East and West*. – 2015. – Vol. 65. – No. 4. – Pp. 1234–1252.

21. Riepe D. An Introduction to Nishida's Pure Radical Empiricism // *Philosophy and Phenomenological Research*. – 1961. – Vol. 21. – No. 4. – Pp. 479–489.
22. Shimomura Toratarō. Nishida Kitarō and Some Aspects of His Philosophical Thought // Nishida Kitarō. A Study of Good. Translated by V. H. Vilhelmo. – Tokyo: Printing Bureau, Japanese Government, 1960. – Pp. 191–217.
23. Standish P. Pure Experience and Transcendence Down. In *Education and the Kyoto School of Philosophy. Contemporary Philosophies and Theories in Education*. – Vol. 1. – Dordrecht: Springer, 2012. – Pp. 19–26.
24. Takeuchi Yoshinori. The Philosophy of Nishida. In *The Buddha eye: an anthology of the Kyoto school and its contemporaries*, edited by Frederick Franck. – New York: Crossroad, 2004. – Pp. 183–208
25. Tsurumi Shunsuke. An Experiment in Common Man's Philosophy // *Philosophy and Phenomenological Research*. – 1951. – Vol. 12. – No. 2. – Pp. 246–264.
26. Viglielmo V. Nishida Kitarō: The Early Years. In Shively D. *Tradition and Modernization in Japanese Culture*. – Princeton: Princeton University Press, 2015. – Pp. 507–562.
27. Wilkinson R. Nishida and Western philosophy. – Aldershot, UK: Ashgate, 2009. – 175 p.
28. Yusa Michiko. Reflections on Nishida Studies // *The Eastern Buddhist*. – 1995. – Vol. 28. – No. 2. – Pp. 287–296.
29. Yusa Michiko. *Zen and Philosophy: An Intellectual Biography of Nishida Kitaro*. – Honolulu: University of Hawai'i Press, 2002. – 483 p.

References

1. Lotman, Yu. M. (2018) *Struktura khudozhestvennogo teksta* [Structure of an artistic text]. – Sankt-Peterburg: Azbuka, Azbuka-Attikus. (In Russian)
2. Romanenko, A. S. (2023) Preodolenie kontseptual'nykh oppozitsij kak strukturoobrazuyushchij printsip "Issledovaniya Blaga" Nisidy Kitaro [Overcoming conceptual oppositions as a structuring principle of Nishida Kitarō's Study of the Good]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No 3. Pp. 60–73. (In Russian)
3. Abe, Masao. (1990) Introduction. *Nishida Kitarō. Inquiry into the Good*; translated by Masao Abe and Christopher Ives. New Haven, London: Yale University Press. Pp. 7–26.
4. Carter, R. (2013) *The Kyoto School: An Introduction*. Albany: State University of New York Press.
5. Davis, B. (2020) What Is Japanese Philosophy? *The Oxford Handbook of Japanese Philosophy*. Oxford: Oxford University Press. Pp. 1–79.
6. Dilworth, D. (1970) Nishida's Early Pantheistic Voluntarism. *Philosophy East and West*. Vol. 20. No. 1. Pp. 35–49.
7. Dilworth, D. (1969) The Initial Formations of 'Pure Experience' in Nishida Kitarō and William James. *Monumenta Nipponica*. Vol. 24. No. 1/2. Pp. 93–111.
8. Dilworth, D. (1969) The Range of Nishida's Early Religious Thought: Zen No Kenkyū. *Philosophy East and West*. Vol. 19. No. 4. Pp. 409–421.
9. Feenberg, A. (1999) Experience and Culture: Nishida's Path 'To the Things Themselves'. *Philosophy East and West*. Vol. 49. No. 1. Pp. 28–44.
10. Feenberg, A., Arisaka, Yoko. (1990) Origins of the Nishida Philosophy in the Doctrine of Pure Experience. *International Philosophical Quarterly*. Vol. 30. No. 2. Pp. 173–205.
11. Friedl, H. (2001) Global Aspects of American Pragmatist Thinking: William James and Kitarō Nishida on the Purity of Pure Experience. *Amerikastudien / American Studies*. Vol. 46. No. 2. Pp. 177–205.
12. Heisig, J. (2001) *Philosophers of Nothingness: An Essay on the Kyoto School*. Honolulu: University of Hawai'i Press.
13. Kasulis, T. (2017) *Engaging Japanese Philosophy: A Short History*. Honolulu: University of Hawaii Press.
14. Kazashi, N. (2012) Metamorphoses of 'Pure Experience': Buddhist, Enactive and Historical Turns in Nishida. *Education and the Kyoto School of Philosophy. Contemporary Philosophies and Theories in Education*. Vol. 1. Dordrecht: Springer. Pp. 77–90.

15. Krueger, J. (2006) The Varieties of Pure Experience: William James and Kitarō Nishida on Consciousness and Embodiment. *William James Studies*. Vol. 1. Available at: <https://www.jstor.org/stable/26203679/> (accessed 05 May 2024).
16. Krummel, J. (2015) *Nishida Kitarō's Chiasmatic Chorology: Place of Dialectic, Dialectic of Place*. Bloomington: Indiana University Press.
17. Nakajima, Yuta. (2022) Pure Experience. *Tetsugaku Companion to Nishida Kitarō*. Cham, Switzerland: Springer.
18. Odin, S. (2012) Whitehead on the 'Rhythm of Education' and Kitarō Nishida's 'Pure Experience' as a Developing. *Education and the Kyoto School of Philosophy. Contemporary Philosophies and Theories in Education*. Vol 1. Dordrecht: Springer. Pp. 169–180.
19. Ogawa, Tadashi (1979) The Kyoto School of Philosophy and Phenomenology. *Japanese Phenomenology. Analecta Husserliana*. Vol 8. Dordrecht: Springer. Pp. 207–222.
20. Osaki, Harumi (2015) Pure experience in question: William James in the philosophies of Nishida Kitarō and Alfred North Whitehead. *Philosophy East and West*. Vol. 65. No. 4. Pp. 1234–1252.
21. Riepe, D. (1961) An Introduction to Nishida's Pure Radical Empiricism. *Philosophy and Phenomenological Research*. Vol. 21. No. 4. Pp. 479–489.
22. Shimomura, Toratarō. (1960) Nishida Kitarō and Some Aspects of His Philosophical Thought. *Nishida Kitarō. A Study of Good*. Transl. by V. H. Vilhelmo. Tokyo: Printing Bureau, Japanese Government. Pp. 191–217.
23. Standish, P. (2012) Pure Experience and Transcendence Down. *Education and the Kyoto School of Philosophy. Contemporary Philosophies and Theories in Education*. Vol 1. Dordrecht: Springer. Pp. 19–26.
24. Takeuchi, Yoshinori (2004) The Philosophy of Nishida. *The Buddha eye: an anthology of the Kyoto school and its contemporaries*, ed. by Frederick Franck. New York: Crossroad. Pp. 183–208.
25. Tsurumi, Shunsuke (1951) An Experiment in Common Man's Philosophy. *Philosophy and Phenomenological Research*. Vol. 12. No. 2. Pp. 246–264.
26. Vigieliemo, V. (2015) Nishida Kitarō: The Early Years. *Tradition and Modernization in Japanese Culture*. Princeton: Princeton University Press. Pp. 507–562.
27. Wilkinson, R. (2009) *Nishida and Western philosophy*. Aldershot, UK: Ashgate.
28. Yusa, Michiko (1995) Reflections on Nishida Studies. *The Eastern Buddhist*. Vol. 28. No. 2. Pp. 287–296.
29. Yusa, Michiko (2002) *Zen and Philosophy: An Intellectual Biography of Nishida Kitaro*. Honolulu: University of Hawai'i Press.

Об авторе

Романенко Антон Сергеевич, ассистент кафедры философии, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-9920-4377, e-mail: anton24.1996@mail.ru

About the author

Anton S. Romanenko, assistant professor, Pushkin Leningrad State University, Sankt-Peterburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-9920-4377, e-mail: anton24.1996@mail.ru

Поступила в редакцию: 06.05.2024
Принята к публикации: 27.06.2024
Опубликована: 17.09.2024

Received: 06 May 2024
Accepted: 27 June 2024
Published: 17 September 2024